

КЭТРИН КИНГСЛИ

Звук снега

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Katherine Kingsley
THE SOUND OF SNOW

Перевод с английского *А.М. Фроловского*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Diversion Books
и литературных агентств Varor International,
Inc. и Nova Littera SIA.

Кингсли, Кэтрин.

К41 Звук снега : роман / Кэтрин Кингсли ; [пер. с англ.
А. М. Фроловского]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-094819-2

Спустя десять лет после громкого скандала, заставившего ее практически бежать на континент, Джоанна ди Каппони, молодая вдова итальянского графа, возвращается в Англию, чтобы любой ценой спасти сына умершей сестры от его отца — Гая де Саллисса, маркиза Гривза, о котором идет молва как о жестоком негодяе, виновнике смерти жены.

Однако Гай — вовсе не чудовище и не убийца, а всего лишь одинокий, усталый, измученный человек, изнемогающий под грузом тайн. Человек, для которого Джоанна, настороженная и недоверчивая, становится настоящим лучом солнца, озарившим мрак его существования и подарившим надежду на новую жизнь, любовь и счастье...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094819-2

© Julia Jay Kendall, 1999
© Перевод. А.М. Фроловский, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Поэта взор в возвышенном безумье
Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображенья формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному «ничто»
Дает и обиталище и имя...
И это может быть горячий лед
И столь же странный снег.

*Уильям Шекспир,
«Сон в летнюю ночь»*

1

*Стэнтон-Холл,
Хорблинг, Линкольншир.
30 августа 1812 года*

«Странно порою ведет себя Господь, опрокидывая мир как раз в тот момент, когда этого меньше всего ожидаешь, — сердито подумала Джоанна. — Почему Он нанес Лидии такой нечестный удар, не позволив участвовать в давно ожидаемом и вполне невинном развлечении?» Причин для этого Джоанна не находила, сколько ни старалась. Если уж надо было поразить кого-то болезнью в эти дни, то лучше бы Господь выбрал ее. По крайней мере, она бы так не страдала от кори. Что такое корь, Джоанна знала по собственному опыту. Но именно потому, что она такой опыт имела, вновь страдать от этой болезни ей было не положено, и единственное, что она сейчас могла сделать для Лидии, это обеспечить максимальный комфорт.

— Лидия, любимая, ты должна успокоиться, — сказала Джоанна, выжимая смоченное в пахнувшей лавандой воде полотенце и прикладывая его к горячему лбу лежащей в постели кузины. — У тебя лихорадка, пытаться что-то делать в таком состоянии попросту вредно, а уж что-то изменить и вовсе невозможно.

Из покрасневших воспаленных глаз Лидии выкатились слезинки, но она вскинула голову и дерзко посмотрела на Джоанну.

— Я не на службе! — выпалила она срывающимся голосом. — И я буду танцевать в свой день рождения. Что бы ты или кто-то еще ни говорил, это меня не оставит.

Джоанна присела на краешек кровати и взяла кухню за руку.

— Я понимаю, что тебе очень хочется быть с гостями, но это невозможно. И не только потому, что это опасно для твоего здоровья. Ты можешь заразить других. И риск весьма велик. Ты слышала, что говорил доктор — твоя болезнь очень заразна. Постарайся быть благоразумной.

— Благоразумной?! — воскликнула Лидия, отдергивая руку. — В том, что происходит, нет ничего разумного или справедливого, и я не желаю принимать это! Я ждала этого вечера весь год, Джо, ты-то знаешь! Что такого ужасного я совершила, чтобы быть наказанной таким образом — слечь от болезни в день своего восемнадцатилетия? Сегодняшний вечер должен был стать моим триумфом! — Лицо Лидии стало совсем мрачным. — В конце концов, диагноз еще не точный. Сыпи же у меня нет, не так ли? А пока нет сыпи, нет и полной уверенности, что у человека корь. Так сказал доктор Макфадден, и ты при этом присутствовала.

— Но также доктор сказал и то, что оба мальчика Тупфордов свалились с корью на прошлой неделе, а ты сидела рядом с ними на воскресной церковной службе. И еще Макфадден сказал, что остальные симптомы кори у тебя налицо, а сыпь появляется в последнюю очередь.

Лидия сморщилась и уткнулась лицом в подушку.

— Хорошо тебе говорить, — сказала она, всхлипнув. — Ты-то можешь пойти и повеселиться без меня. Можно даже представить, что это твой день рождения празднуют. Ведь тебе исполнился двадцать один год. Правда, две недели назад. Зачем тебе я, если все будут суетиться вокруг тебя, поздравляя с достижением совершеннолетия? У тебя есть шанс получить целую кучу предложений, пока я буду валяться здесь, страдая в темноте, в полном одиночестве.

Джоанна с трудом сдержала улыбку, подумав о склонности кухни к чрезмерной драматизации всего происходящего.

— Не могу представить, что кто-то будет суетиться вокруг меня, — ответила она, вновь отжав полотенце и положив его на лоб Лидии. — Это ты всегда притягиваешь к себе всеобщее внимание, что, впрочем, естественно для такой очаровательной девушки.

— Это ты себе комплимент сделала. — Лидия раздраженно хмыкнула. — Ведь мы похожи как род-

ные, а не двоюродные сестры. Все об этом говорят. Единственное, что нас различает, — возраст. Ну, и мое солидное приданое, пожалуй. Но это не то, что люди могут увидеть, разглядывая внешность, не так ли?

— У нас есть общие черты, Лидия, но моя внешность лишь бледное подобие твоей, — сказала Джоанна совершенно искренне. — У меня нет твоего искрящегося взгляда, твоего шарма. А именно это делает женщину по-настоящему красивой. Поэтому люди тянутся к тебе, как мотыльки на свет, в желании приобщиться к излучаемому тобой блеску. А я только и могу, что довести их до слез своей скукой.

— Это из-за того, что ты ведешь себя так, словно тебе приятнее проводить время с твоими дурацкими рисунками, чем с молодыми людьми, — ответила Лидия несколько раздраженно. — В самом деле, Джо, ты старше меня, но порою кажется, ты плохо представляешь, что требуется в жизни. Ведь акварели не обеспечат тебя красивой одеждой и не наденут обручальное кольцо на палец. И уж, конечно, рисование не наполнит твое сердце страстью и любовью.

Джоанна в ответ только улыбнулась. Лидии никогда не понять, какое наслаждение может доставлять подбор цветовой палитры, выбор света и процесс нанесения красок на бумагу или холст. Также как не понять ей и то, почему кузину практически не интересует возможность выйти замуж за кого-то, кто принесет ей высокий титул и положение в обществе. Не хватило бы ни слов, ни терпения, если бы она в очередной раз попыталась объяснить это. Лидия была готова влюбиться в любой день недели и разлюбить в день следующий. Джоанне этого было не дано. Если уж она полюбит кого-то, это случится однажды и на всю жизнь.

Несмотря на поразительное внешнее сходство, интересы двоюродных сестер отличались столь же разительно, как день и ночь. Лидию прежде всего заботили ее внешность и социальное положение, из которого она стремилась извлечь максимум выгоды и как можно быстрее. Джоанна же считала, что общество способно только помешать ей в любимых занятиях. К тому же оно не может дать ей сколь-либо высокую оценку, поскольку она не обладает ни положением, ни богатством, ни красотой.

— Полагаю, сегодня ты наконец примешь чьи-нибудь ухаживания, и подозреваю, что это будет

лорд Холдинхэм, — нарочито ровным тоном вдруг заявила Лидия.

— Лорд Холдинхэм? — переспросила удивленная Джоанна. — О ком это ты?

— Ты прекрасно знаешь, о ком. О Чарлзе Мейтланде, виконте Холдинхэме, наследнике титула графа Данли и одном из самых знатных людей Британии, — ответила Лидия. — Он, может быть, и не герцог, но его состояние весьма внушительно, а внешность очень привлекательна. Между прочим, Клара Кодрингтон утверждает, что Чарлз в этом году должен жениться. Ее папа рассказал, что на этом вроде бы настаивает отец Чарлза. Так что, учитывая отцовский наказ и твое совершеннолетие, молодой лорд Холдинхэм вполне может жениться на тебе, разве нет?

— Послушай, Лидия, — подчеркнуто спокойно, как к ребенку обратилась Джоанна к кухне, — я не могу понять, с чего это ты взяла, что достижение мной совершеннолетия вдруг изменило отношение ко мне лорда или кого-то другого? Большинство молодых людей уже задвинули меня на дальнюю полку своего сознания и забыли о моем существовании.

— Не говори глупости. Все прекрасно знают, что в течение года ты соблюдала траур в связи со смертью дяди Эдварда и тети Аманды и фактически пропустила два сезона. Очень и очень сомнительно, что кто-то может задвинуть тебя на дальнюю полку после столь короткой презентации. Для этого надо было участвовать как минимум в трех сезонах и во всех трех провалиться.

— Неужели? — сухо спросила Джоанна, подавляя душевную боль, которая всегда появлялась у нее при воспоминании о смерти родителей. — А скажи-ка, ты сама придумала эти нормы и правила или они где-то записаны?

Из груди Лидии вырвался булькающий хриплый звук, перешедший в сильный кашель.

— Все дело в том, что ты стала совершеннолетней, — сказала кухня, справившись с приступом. — И теперь никто, включая моих родителей, не может запретить тебе самой выбирать того или иного жениха. Но мама и папа, безусловно, думают о твоем счастливом будущем. Честно говоря, я даже слышала, как они обсуждали Генри Умока в качестве подходящего варианта, поскольку очевидно, что он не равнодушен к тебе. Хотя лично я лучше бы умерла, чем вышла за него. Но это ничего не значит.

— Действительно, это ничего не значит, — заметила Джоанна, пытаясь сменить тему неприятного для нее разговора.

Но Лидия, не обращая внимания на ее слова, продолжила:

— Уверена, что мистер Уамок не случайно включен в число приглашенных на этот вечер. Мама и папа рассчитывают подтолкнуть его сделать решительный шаг, несмотря на отсутствие у тебя приличного приданого. Ты же знаешь, как сильно все мы хотим, чтобы ты составила хорошую партию. А у Генри есть весьма богатый дядюшка, которому больше некому оставить свои деньги. Таким образом, перспективы имеются, и совсем неплохие. Хотя, конечно, до смерти дяди он мало чем будет владеть. Но при всем при том Генри довольно видный молодой человек, по крайней мере мужского обаяния у него не отнимешь, не правда ли?

— Лидия, дорогая, — медленно произнесла Джоанна, осмысливая только что услышанное, — а тебе не приходило в голову, что я вообще не хочу выходить замуж? — Про себя она подумала, что уж глуповатый Генри Уамок, который постоянно пытался оказаться рядом, точно был последним, с кем она хотела бы соединить судьбу. — Или, по крайней мере, не хочу выходить замуж не по любви, — добавила Джоанна вслух.

— О, только не надо снова об этом. Любовь — роскошь, доступная только богатым. Даже я не уверена, что при определенных обстоятельствах смогу до конца сопротивляться браку не по любви, хотя у меня в этом, к счастью, нет необходимости. В твоем же случае замужество необходимо. И мы обе это прекрасно знаем.

— Но я не из самой бедной семьи, между прочим, — резко напомнила Джоанна. — Мое наследство может быть и скромное, но его вполне достаточно, чтобы свести концы с концами.

— Возможно. Однако мама говорила, что положение незамужней женщины в твоей ситуации лишено смысла, если, конечно, у тебя не имеются какие-то резонные расчеты на более счастливое будущее. А ведь ты у нас и есть воплощение здравого смысла, если отбросить некоторую романтическую чувственность.

— Похоже, ты считаешь меня несговорчивой и расчетливой, — с удивлением констатировала Джоанна.

— Да, ты, безусловно, упряmica. Но я уверена, что упрямишься ты лишь для того, чтобы подобрать

лучшую партию, — хмыкнула Лидия. — Я же знаю тебя, тебе просто нравится быть таинственной и загадочной.

— Мне?! — только и смогла воскликнуть еще более удивленная такой ерундой Джоанна.

— Да, тебе, — произнесла Лидия, придавая голосу шутливо-мрачный оттенок. — Между прочим, я видела, какие взгляды ты бросала на Холдинхэма, когда он был в Лондоне.

— И какие же? — спросила Джоанна.

— Ты то и дело косилась в его сторону, когда думала, что никто этого не видит. И было видно, что он тебе нравится. Я в этом абсолютно уверена. Признайся, Джо. Ведь у нас никогда не было секретов друг от друга.

Джоанна сердито покачала головой. Она действительно украдкой наблюдала тогда за Холдинхэмом, однако делала это исключительно в целях самозащиты, чтобы иметь возможность уклониться от встречи с ним наедине. Ведь лорд уже несколько раз пытался увлечь ее в сад, а жаловаться на это отцу Лидии, по мнению Джоанны, было бессмысленно.

— Что ж, отлично. Ты поймала меня, — сказала она игриво, намереваясь перевести этот нелепый разговор в шутку. — Полагаю, мне не остается ничего иного, как рассмотреть его кандидатуру. Тем более чтобы доставить тебе удовольствие, коль уж тебя так сильно волнует мое замужество. Ты же знаешь, я не могу ни в чем тебе отказать.

— Ты смеешься надо мной, — сказала Лидия, правда, без особой уверенности в голосе.

— Я?! — воскликнула Джоанна, стараясь сохранить строгое выражение лица. — Признаюсь, до сих пор я совершенно не представляла, сколь ужасно мое положение, но ты открыла мне глаза. И теперь я думаю, что ты, возможно, права. Я должна использовать любую возможность уже хотя бы для того, чтобы не остаться в старых девах. Холдинхэм с этой точки зрения, пожалуй, даже лучше многих других.

Губы Лидии неожиданно задрожали.

— Нет! Ты не можешь так думать! — воскликнула она, глядя на кузину так, будто та заявила, что луна сделана из зеленого сыра и она собирается съесть ее целиком.

— А почему нет? — ответила Джоанна, которая не могла пересилить желание подразнить Лидию. — Ты

8 же сама говорила, что он весьма красив и вскоре бу-

дет располагать приличным состоянием, звучным титулом и прекрасным поместьем. Возможно, он не обратит внимание на то, что мне нечего предложить ему со своей стороны, если, конечно, не считать умных разговоров.

— Я так и знала! Я догадывалась, что ты поощряешь его ухаживания, заставляя всех нас ждать, гадать о том, что произойдет, и волноваться... О, Джо, как ты можешь?

К пушему удивлению Джоанны, Лидия разрыдалась.

— Ты могла хотя бы мне сказать о своих намерениях, — произнесла она сквозь слезы и всхлипнула: — А я считала, что мы с тобой лучшие подруги.

— Лидия, я и подумать не могла, что мои брачные намерения так много для тебя значат, честное слово, — растерянно сказала Джоанна. Она ощутила чувство вины за попытку подшутить над кузиной, выбрав столь волнительную, как оказалось, ее девичьему сердцу тему.

— Именно так я и думала... Конечно, я не была абсолютно уверена в твоих чувствах. Но.. но теперь...

Лидия смолкла на полуслове и уткнулась лицом в подушку.

— И что теперь? — осторожно поинтересовалась Джоанна, сиюсья понять, в чем причина столь сильного расстройства Лидии. — Скажи же, наконец, что тебя так огорчило?

Лидия лишь сильнее вжалась в подушку и молчала.

— Неужели ты в самом деле думаешь, что если я не выйду замуж именно сейчас, когда стала совершеннолетней, я буду обречена на жалкую безрадостную жизнь?

Лидия отрицательно покачала головой.

— Нет? — задумчиво произнесла Джоанна, прикидывая, как правильнее продолжить эту странную игру в угадку. При том, что кузина очень любила поболтать о всякой всячине, она могла быть удивительно немногословной, когда дело касалось ее сокровенных мыслей. Возможно, Лидия, более чем она сама, осведомлена о фактах, порочащих репутацию Холдинхэма, и они ее беспокоят? — Тогда, может быть, ты считаешь, что лорд Холдинхэм собирается сделать мне предложение, и опасаясь, что я приму его, так?

Ответом был едва заметный кивок, за которым вновь последовало всхлипывание.

Сердце Джоанны сжалось от любви к кузине. Может, она и была легкомысленной, но всегда думала о людях, которых любила, переживала за них и беспо-

коилась. Сама мысль о том, что можно быть такой дурой, чтобы хоть на мгновение захотеть принять предложение Холдинхэма, вызывала у Джоанны смех. Но вполне возможно, Лидия не понимала этого. Ей мешала твердая убежденность в том, что каждая девушка тайно мечтает выйти за человека с хорошим положением, независимо от того, какую он имеет репутацию.

— Послушай, Лидия, — обратилась она к кузине, — ты зря так волнуешься за меня. Не стоит, поверь. — Она погладила кузину по влажным волосам. — Для тебя сейчас главное настроиться на полное выздоровление и уж, конечно, не переживать за меня. В любом случае, я очень сомневаюсь, что Холдинхэм даже задумывался о том, чтобы сделать мне предложение. Насчет этого я, в отличие от тебя, совершенно спокойна.

Лидия наконец оторвала лицо от подушки.

— Я н-не... Я не верю т-тебе, — произнесла она, заикаясь. — Ты просто хочешь утешить, что... чтобы мне стало л-лучше.

— Что ж, хорошо. Полагаю, так оно и есть, — согласилась Джоанна, — если под утешением ты имеешь в виду стремление очистить твою голову от ненужных мыслей. Ты же знаешь, что я люблю тебя больше всех на свете и мне невыносимо видеть тебя такой несчастной, тем более из-за меня.

— Вот и не делай ничего, что может огорчить меня, — сказала Лидия, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Я тоже люблю тебя, Джо. Но порою мне кажется, ты считаешь меня какой-то маленькой глупой девочкой. Уверяю тебя, это не так. Замечаешь ты это или нет, но я стала совершенно взрослой и у меня есть глаза. Поэтому я не могла не заметить, как Холдинхэм постоянно увивается возле тебя.

— Прости меня, если я была столь бестактна, — произнесла Джоанна, целуя кузину в лоб. — Однако при всем при том я никогда не считала тебя ненаблюдательной. Ты замечаешь множество вещей, которые совершенно ускользают от моего внимания.

Лидия действительно очень живо улавливала малейшие намеки на сближение и отдаление в ухаживании и всего за четыре коротких месяца, прошедших после первого представления в свете, предсказала состав семи будущих пар, хотя и немного ошиблась из-за своей самоуверенности.

— Что ж, это в самом деле мне присуще, — согласилась Лидия. — А вот ты с трудом замечаешь даже важные вещи, в том числе внимание, которое выказывает тебе Холдинхэм. Я бы не стала говорить об этом, но ты должна знать о его намерениях прежде, чем примешь его ухаживания и разобьешь тем самым мое сердце.

Джоанну внезапно осенило.

— Лидия, любовь моя, — начала она осторожно, — а не в том ли проблема, что ты сама рассчитываешь на Холдинхэма? Если это так, ты вполне можешь признаться мне, пожалуйста.

— Не говори ерунды, — без каких-либо эмоций парировала Лидия. — С чего бы это мне на него рассчитывать? Он слишком стар для меня. Я просто забочусь о тебе, дорогая Джо. Я понимаю, что в ближайшее время ты должна выйти замуж. Но только не за него, Джо. Он сделает тебя несчастной... Я не вынесу этого! — Ее щеки сделались мокрыми от слез. — Тебе и так пришлось несладко эти три года из-за того, что твои родители погибли в той ужасной катастрофе. — Лидия вытерла глаза. — Это так несправедливо!

Джоана вдруг поняла, что лихорадка и переживания по поводу обманутых ожиданий на сегодняшний вечер могут сейчас нанести Лидии куда больше вреда, чем женитьба Холдинхэма на ее засидевшейся в девках кузине. Что в данную минуту действительно было нужно Лидии — так это хороший отдых.

— Послушай меня, любимая, — ласково сказала Джоанна, вставая с кровати, — тебе необходимо выкинуть из головы все мысли о моем замужестве. Из-за них она только сильнее болит. А мне нужно идти, чтобы подготовиться к встрече гостей. Я не хочу заставлять их ждать.

— Нет... не оставляй меня одну, пожалуйста! — вскрикнула Лидия, хватая ее за руку. — Пожалуйста, не сейчас!

— Что ж, хорошо, — спокойно сказала Джоанна, которой совсем не хотелось, чтобы у кузины вновь началась истерика. — Я побуду с тобой, но недолго. А ты должна обещать, что закроешь глаза и постарайся заснуть.

Лидия тяжело вздохнула, но затем кивнула и закрыла глаза. Джоанна присела и стала гладить ее по голове, любясь тем, как пряди волос переливаются на свету, превращаясь из бронзовых в золотые. Джоанне было даже страшно представить, в каком отчаянии пребывала

сейчас кузина. В течение всего дня в Стэнтон-Холл съезжались гости. Ее гости. Представители многочисленных семейств со всех концов графства слетались на этот слабый теперь огонек, чтобы пригласить на танец именно Лидию. Джоанну, конечно, тоже могли рассматривать в качестве претендентки, но она была уверена, что если о ней и вспоминали, то исключительно из вежливости. Лидия была единственным ребенком сэра Квентина и леди Оксли, она согревала их жизнь, и родители делали все, чтобы найти ей даже не «золотого», а «бриллиантового» жениха. Забота же о Джоанне была для них не более чем обязанность, которая легла на их плечи после смерти ее родителей, родственник долг, который они честно исполняли, но от которого были бы рады избавиться. Лидия, к счастью, пребывала в полном неведении относительно этого и в силу своей романтической природы полагала, что родители считают Джоанну второй не менее любимой дочерью. Впрочем, для нее самой Джоанна действительно была обожаемой сестрой.

Будь Джоанна устроена по-другому, воспитана на иных примерах, она постаралась бы побыстрее выйти замуж, чтобы угодить тете и дяде, но она родилась у людей, любовь которых друг к другу была всеобъемлющей и беззаветной, и Джоанна не допускала даже мысли, что у нее может быть как-то иначе. Да и о браке без любви она теперь знала не понаслышке. Тетя Элис принесла во вновь созданную семью богатое приданое и уважаемое, но совсем не знатное имя, а дядя Квентин — настоящее, хотя и запущенное имение и потомственное баронетство. Казалось бы, объединение богатства и высокого титула дало каждому именно то, что ему недоставало, но семейная жизнь никому радости не приносила. Неоспоримым доказательством этого были их постоянные бесконечные ссоры.

На данном этапе жизни тетя Элис страстно желала одного — с помощью дочери повысить свое положение в обществе, и ее амбиции не знали границ. Реакция леди Оксли на слова доктора о том, что Лидии в ближайшие две недели не следует покидать свою комнату, была чем-то средним между приступом гнева и истерикой. Джоанна без особого успеха пыталась ее успокоить в течение целого часа. Тетушка грозилась отправиться в постель с бутылочкой успокоительной настойки опия, и только то, что званный вечер уже невозможно было перенести на более

12 поздний срок, удержало ее от этого шага.

Джоанна отвлеклась от размышлений и заметила, что дыхание Лидии успокоилось, а сжимающие ее руку пальцы расслабились. Прекрасно понимая, что, если она не уйдет сейчас, то не уйдет никогда, Джоанна немедленно встала.

— Тебе в самом деле нужно идти? — чуть слышно спросила Лидия.

— Да, — ответила Джоанна. — А ты должна думать о том, что я своим присутствием на вечере буду всем напоминать о тебе. Хотя вряд ли кому-то из гостей потребуются напоминание об этом. В общем, ты — героиня, страдающая от тяжелой болезни, а я — простая посланница, доносящая сведения о твоём великом мужестве и стойкости перед лицом обрушившегося несчастья. Ведь все обожают тебя, уж это я точно знаю.

— Надеюсь, — произнесла Лидия, и по ее лицу было видно, как она страдает. — О, Джо, почему это свалилось именно на меня? О нет, не подумай, будто я желаю, чтобы заболела ты. Но согласишься, для тебя это не было бы большой трагедией. А у меня такое ощущение, что жизнь закончилась.

— Извини, я все-таки пойду. Но я обязательно проведу тебя попозже, ты не против? Надеюсь, ты будешь крепко спать. Но может быть, стоит тебя разбудить и рассказать, как проходит вечер?

— Нет, не стоит. Спасибо за то, что так добра и заботишься обо мне. Но лучше ты все расскажешь мне завтра. Я не хочу портить тебе вечер. К тому же чувствую себя страшно усталой и мне действительно следует поспать. — Лидия повернулась на бок и подсунула под голову ладонь. — Спокойной ночи. Приятно тебе провести время. И, Джо, не забывай о Холдинхэме. Он совершенно тебе не подходит, но ты нравишься ему.

Джоанна улыбнулась, подумав, что Лидия напоминает мартовское небо: минуту назад угрожающее громом и молнией, а сейчас проясняющееся и обещающее солнечный день.

— Ты смелая девушка, — прошептала она, целуя кузину в висок. — Поспи как следует, а утром мы с тобой увидимся.

Джоанна направилась к выходу. Но не успела она дотронуться до ручки, как дверь открылась и на пороге появилась Банч, незамедлительно стиснувшая ее в объятиях и вытащившая из комнаты. Окруженные **13**

волнами морщинок голубые глаза пожилой женщины светились.

— Наконец-то! Я давно все приготовила и жду тебя. Вода уже, наверное, остыла, пока ты нянчилась с этой Лидией. Скоро восемь, и через полчаса тебя ждут внизу. Или ты забыла?

Раскрасневшееся лицо женщины свидетельствовало о том, что она в самом деле волнуется. Но сердитый тон, конечно, был напускным — поворчать Банч любила так же, как пожаловаться.

— Не волнуйся, Банч, мы со всем справимся. Ведь мы же всегда справлялись, не так ли? — успокоила ее Джоанна, похлопывая по плечу.

— Мы? Наверное, ты хотела сказать, что я справлюсь. Ты всегда, что бы ни случилось, говоришь, что все нормально, а потом ожидаешь, что я совершу чудо, — сердито парировала Банч, быстро расстегивая пуговицы на платье Джоанны. — Ты и маленькая была такая же. Придешь вся растрепанная со спутанными волосами. Бог весть что можно подумать! Но только и скажешь: «Не волнуйся, Банч».

— Но ты действительно можешь привести все в порядок. И почему я не могла побыть со своей сестрой?

— Потому что без тебя я ничего не могу сделать.

— Ой! Осторожнее! — вскрикнула Джоанна, поскольку Банч принялась стягивать с нее платье и крючки-застежки зацепились за волосы.

— Осторожнее? Это тебе следует быть осторожнее, девочка моя. Я до сих пор не говорила с тобой об этом, но сегодня у тебя будет последний реальный шанс заполучить мужа, который дадут тебе эти Оксли. Если ты им не воспользуешься, то рискуешь провести всю оставшуюся жизнь под пятой у леди Оксли. А к приживалкам всегда не слишком хорошо относятся. И не надейся, что я собираюсь разделить с тобой эту участь. Я твоя старая гувернантка, а не мама, и имею право собраться и уйти в любой момент, когда мне захочется.

Банч наклонила Джоанну к тазу и принялась тереть ее мочалкой и обливать водой точно так же, как она это делала, когда воспитаннице было пять лет.

— Будь я на твоем месте, я бы хорошенько над этим подумала.

— Не продолжай, Банч. Все это я уже слышала от Лидии, — сказала Джоанна, ежась от стекающей по

коже холодной воды. — Она считает, что если я не выйду замуж к завтрашнему утру, навсегда останусь одинокой и бедной, а вся моя оставшаяся жизнь будет серой и бесплодной.

— Единственная разумная мысль, которую эта девчонка произнесла за последний месяц.

— Не стоит грубить, Банч. Не Лидии вина в том, что родители внушили ей, будто единственными ее достоинствами являются привлекательная внешность и приданое. И в том, что они не привили ей мысль о важности образования, она тоже не виновата. У нее есть голова на плечах, ей просто надо тренировать свой ум.

Банч громко хмыкнула.

— Ни одному ребенку, каким бы красивым он ни был, не пойдет на пользу убеждение в том, что весь мир вращается вокруг него. Слава богу, тебе, моя девочка, подобные мысли никогда не приходили в голову.

— Если бы они пришли, — Джоанна широко улыбнулась, — ты бы выпорола меня так, что я потом неделю бы не смогла присесть. К тому же я совсем не красива, по крайней мере не так, как Лидия. Она стала настоящей красавицей, ты не находишь? Когда я смотрю на нее, то представляю танец фей в лунной пыли. Она способна очаровать каждого, кто увидит ее. Не сомневаюсь, что Лидия получит то, чего хочет — красивого знатного мужа, который будет благословлять землю, по которой она ходит.

— Подумай и о своем будущем в том же духе, Джоанна. Твой отец был хорошим и умным человеком, но он совершенно не понимал, что жить следует на те деньги, которыми располагаешь, да и у твоей матушки, упокой Господь ее душу, было не больше житейского смысла, чем у него. На то наследство, которое они тебе оставили, ты, конечно, можешь протянуть какое-то время, но на всю жизнь его ни при каких условиях не хватит. Поверь мне, дорогая, я говорю тебе это, исходя из собственного опыта. Ты думаешь, почему я покинула свой прелестный маленький домик в Йоркшире и приехала приглядывать за тобой? Не так просто жить не имеющей денег леди.

— Мне жаль, что у тебя так сложились обстоятельства, но я каждый день благодарю Бога за то, что он послал мне мою дорогую Банч. Шестнадцать лет, которые мы провели вместе, были чудесными, несмотря на все падения и взлеты, ведь правда?